

Визави

Татьяна ЛАВРОВА: *Век. Москва. - 1998. - июль. - с. 6.*

В институте меня били палкой, а у Волчек жила, как у Христа за пазухой

В шестидесятые под нее стриглись и красились в женских салонах и парикмахерских. С картиной «Девять дней одного года» актриса объездила весь мир, за ней бегали толпы влюбленных поклонников... На международном кинофестивале в Монте-Карло за лучшее исполнение женской роли в картине «Вылет задерживается» она получила «Серебряную нимфу». На фестивале в Мексике была избрана Королевой Красоты. Талантливая актриса, независимая и красивая женщина, прошедшая множество ступеней славы, она не побоялась на долгие годы по собственной воле остаться за экраном. Не из-за гордыни, нет. Своей, благодаря собственному вкусу. Своей избирательности. Неразменности.

Наталья ВАСИНА

— Татьяна Евгеньевна, в одном из интервью вы как-то сказали: «В юности все воспринимается как должное». Осталось ли что-нибудь, что воспринимается как «должное» в вашей жизни сегодня?

— Нет. Ничего не осталось... Моя творческая жизнь началась на редкость удачно, вся моя молодость прошла на взлете. Меня любили, унавали на улицах, подражали, но ведь я палец о палец не ударила, чтобы получить хотя бы одну из ролей, которые сыграла тогда. Все получалось само собой: партнерство с потрясающими актерами, фестивали, встречи со звездами европейского и американского кино и работа, работа, работа...

— Вас называют легендой советского кино. Как бы вы сами определили ваши отношения с кинематографом?

— Мои отношения с кино не очень состоялись. Михаил Ильич Ромм говорил мне: «Пока я жив, я буду тебя снимать...». У нас было абсолютное взаимопонимание, хотя я, надо сказать честно, тогда мало чего понимала. Но после «Девяти дней одного года» Михаил Ильич, к сожалению, не успел снять ни одной художественной картины.

После «Девяти дней...» на меня посыпались предложения в кино, но поскольку в юности я была максималисткой, то все и всех мерила уже по Ромму и от большинства предложений отказывалась.

— А театр? У вас много работы во МХАТе?

— Мне ее всегда было мало. Даже когда я работала в «Современнике» и за сезон у меня не было новой роли — это был уже конец света. А МХАТ — театр другой, и у меня к нему особое отношение...

— Есть ли у вас сегодня ваш режиссер?

— То, о чем вы меня спрашиваете, предполагает взаимность. Проработав уже много лет с Олегом Ефремовым, я считала, что он — мой режиссер. Но на данном этапе в силу чего-то взаимности нет. Может, надоела, такое тоже бывает...

— Были ли у вас такие моменты, когда вы чувствовали, что зал не понимает вас, не слушает?

— Были... Когда это случается, бывает невыносимо тяжело. В такие минуты я понимаю, что это только моя вина, вернее, беда... Что сегодня с задачей, которой меня учили великие мхатовцы, — люблю публи-

Справка «ВМ»

В кино Татьяна Лаврова сыграла более 40 ролей. Вот лишь некоторые из них: «Испытательный срок», «Девять дней одного года», «Время, вперед!», «Вся королевская рать», «Голос», «Вылет задерживается», «Система Ниппель». Последние киноработы: в картине Гарика Сукачева «Кризис среднего возраста» и в многосерийной телесериале ранних рассказов Антона Чехова на ТВ-6. В театре Т. Лавровой сыграно более 50 ролей, последние работы во МХАТе им. Чехова: Аркадина в «Чайке», «Наедине со всеми», «Варвары», «Мишени юбилей», «За зеркалом», «Молочий фургон не останавливается больше здесь».

ку развернуть к себе — я не справилась. Не была собрана, сама не верила в то, что делала на сцене... И это — страшно.

— Как бы вы описали свой характер?

— Трудно говорить о себе. Наверное (смеется), я буду необъективной, ведь все мы относимся к себе лучше, чем остальные. А если честно, то с юности меня увлекали только талантливые люди. Для меня они как свет в окне, поэтому когда я их встречаю — для меня это счастье.

Раньше мы были совершенно открыты друг для друга, для жизни и без общения не могли прожить ни дня... А теперь я быстро устаю от людей, скипаю и первая убегаю от надвинувшейся скуки. Веду довольно замкнутый образ жизни. Не люблю большого человеческого скопления. От того, что я пару раз увидела на презентациях и каких-то шумных общественных действиях, была в шоке... Это не для меня.

— Какой вы были в школе, в институте? Что-нибудь в вас осталось от той девушки Тани?

— Я была чрезвычайно чувствительной и доверчивой натурой. Когда увидела свою фамилию в списке принятых в институт, упала в обморок... У нас на курсе мы с Сашей Лазаревым были самые младшие, и еще Альберт Филозов считался

«младшим». А вот Невинный, Ромашин, Кашпур были старше нас на несколько лет... Курсом руководил Виктор Яковлевич Станицын, но моими настоящими педагогами были Евгения Николаевна Морес и Александр Михайлович Карев. Морес, которая всю жизнь играла детей, просто била меня палкой, клянусь вам, когда я не могла закрепить и повторить найденное на репетициях...

— А в «Современнике» вас никогда не обижали?

— Что вы!.. Когда я работала с Галей Волчек, то была, как у Христа за пазухой, она меня очень любила, возилась, и партитура роли была построена до мелочей. А вот когда перешла во МХАТ, то просто растерялась... Я оказалась перед фактом самостоятельного выбора: какой должна стать моя очередная героиня. Вероятно, я слишком привыкла к содружеству в творчестве, и во МХАТе мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к новой форме работы, к иным законам и правилам, а ведь мне сразу дали Аркадину... Понимаете, ролей, в которых ты действительно можешь быть откровенен, крайне мало, а в которых этого не может происходить вовсе — сколько угодно. Но наиболее интересны мне всегда те роли, в которых я ощущаю большой разрыв с собственным «я». Мне всегда интересно добиваться того, чтобы другой характер, чужие манеры, иное мышление — все сошлось во мне, в актрисе, и при этом не было бы видно белых ниток.

— Приходилось ли вам принимать в жизни сложные, жесткие решения, которые кардинально меняли вашу жизнь?

— Я очень сложно принимаю какие-либо решения в жизни. Я не труслива, нет... Но когда надо на что-то решиться или что-то обрывать, начинаю кого-то оправдывать, убеждать себя в том, что иначе человек не мог поступить... В общем, учет всех обстоятельств отодвигает принятие решения от меня еще дальше, и это всегда мучительно. Очень тяжелым решением для меня был уход из «Современника», где я проработала 27 лет и сыграла лучшие свои роли.

— Уход из «Современника» был независимым решением или был напрямую связан с переходом во МХАТ?

— Это был просто уход. Внешний повод был чепуховый... Просто в тот момент так все сложилось во мне и вокруг меня, что вообще хотела уйти из профессии... В свое время я пришла к выводу, может быть, и ложному, что как только я начинаю что-то предпринимать, ничего хорошего из этого не выходит. И лучше было бы оставить все как есть и плыть по волнам...

— Есть ли в вас что-то, что вам самой не нравится?

— Есть, и много. Мои ошибки — результат вот этого «много». В Японии мне составили гороскоп, по которому вышло, что мое предназначение в этой жизни я уже выполнила в 25 лет.

— А дальше что? После выполнения этой миссии?..

— «Харакири». Эта традиция живет в Японии до сих пор, но я, как вы понимаете, харакири себе не сделала...

Я слышала, что смерть ходит с человеком рядом, слева, на расстоянии вытянутой руки. Случалось, что я чувствовала ее совсем близко, но после всего этого... мне кажется, я стала лучше. Произошла переоценка многих вещей, людей, себя. Я вдруг ощутила большую свободу, особенно в работе... Стала поглощать мир с большей жадностью, вглядываться в него, ловить его отражения — это меня сейчас интересует гораздо больше, чем я сама.

В ее доме очень много картин и засушенных букетов. Поэты посвящают ей стихи, а художники, очарованные ее лицом, и сегодня пишут ее портреты или просто дарят ей свои работы. Фейгин, Калинин, Жарких, Мессерер, Глухов, Эльконин...